

Этот человек, я не знаю, как его назвать. Пирсером, татуировщиком, садистом? Как бы его ни называли, он посмотрел на Делона, чтобы убедиться, что мои мольбы возымели действие. Один взгляд на лицо Делона отменил всякую необходимость спрашивать. Он улыбнулся и снова повернулся ко мне.

Люди, которым в данный момент не делали пирсинг и татуировки, собрались поближе, чтобы посмотреть, как парень начал дразнить мои соски. Несмотря на ужас, который я испытывала, они в конце концов начали реагировать и расти. Они не стали полностью эрегированными. Но в конце концов он, казалось, был удовлетворен. Он натянул пару латексных перчаток и смочил мои соски спиртом и стерильной марлей. Я закрыла глаза, но Делон прорычал: "Открой глаза, пизда. Смотри. Это завораживает".

Это было не так. Я была так напугана, что начала терять сознание. Но за четыре дня я настолько привыкла подчиняться этому чудовищу, что открыла глаза и посмотрела вниз.

Пирсер как раз собирался захватить один из моих сосков маленькими щипцами странного вида. Они были похожи на видоизмененные щипцы для завивки ресниц. Он зажал мой сосок, и я сразу поняла их назначение. Они зажимают сосок и удерживают его на месте, но с каждой стороны есть отверстие, через которое можно просунуть иглу.

Я затаила дыхание, когда он взял пробку и иглу. Я чуть не потеряла сознание! Это была очень толстая, полая игла. Она выглядела огромной! Мой разум начал представлять, как эта штука проходит через самую чувствительную плоть на моем теле. Я почувствовала, что мои глаза закатились назад в голову, и я была скорее без сознания, чем в сознании, когда Делон протянул руку и ударил меня по лицу.

Мои глаза распахнулись, и он прорычал: "Ты пытаешься получить четвертое наказание?".

У меня оставался только один выход. Я сидела и тихо плакала, пока этот человек прижимал острое на кончике полой иглы к основанию моего соска и начинал давить. Боль была настолько сильной, насколько я могла себе представить. Она была настолько сильной, что сначала я даже не могла кричать. У меня перехватило дыхание, и я не могла дышать. Я открыла рот и закричала. Но это было беззвучно.

Мгновение спустя он все еще вводил иглу в мой сосок, когда мне удалось перевести дух. Я закричала так сильно, что он вздрогнул. Но я наблюдала за ним. Единственной его реакцией было то, что его однобокая ухмылка увеличилась почти вдвое.

Я не могла видеть, что он сейчас делает. Мои глаза были настолько полны соленых слез, что все вокруг было как в тумане. Он все еще что-то делал с моим соском, но боль постепенно утихала. Я даже не поняла, что он закончил с иглой и вставляет кольцо, которое выбрал Делон, пока он не вскинул руки и не сказал: "Вот! Это было не так уж плохо, правда?".

"ДА, БЛЯДЬ, ДА!!! Больно!!!"

Меня окружил издевательский смех. Это была не та реакция, которую я ожидала. Но потом, я полагаю, мне следовало бы.

Пирсер покачал головой и воскликнул: "Чушь! Немного щиплет. Большая часть этой боли у тебя в голове, потому что ты такая долбаная слабачка. Я делаю пару таких в неделю, и большинство женщин ничего не чувствуют, только слегка морщатся. Тупая пизда!"

Мой мучитель облил мою рану спиртом. Это было почти так же больно, как пирсинг! Затем он перешел к другому соску.

Я чуть не взвыла от боли, когда он начал обрабатывать мой второй сосок. Несмотря на его насмешливые замечания, я понимала, что не смогу снова вытерпеть такую боль. Но я подумала о том, как этот огромный гребаный ротвейлер смотрел на меня через дверь террасы Делона во вторник вечером, и поняла, что это было бы еще хуже. Я должна как-то найти в себе мужество сидеть спокойно.

Кто-то протянул мне пару бумажных полотенец. Не знаю точно, зачем. Я использовала их, чтобы вытереть глаза. Я посмотрела вниз на кольцо в своем соске. Оно больше и тяжелее, чем я ожидала, гораздо больше, чем нужно. Если бы эта чертова штука была еще больше, это был бы браслет!

Кольцо такого размера, несомненно, будет заметно под всем, что я ношу. Я не уверена, что оно не было бы заметно, если бы Делон позволил мне надеть лифчик. Но он этого не сделает, так что, думаю, это не имеет значения.

Я почувствовала, что слезы снова подступили к глазам, когда увидела две маленькие струйки крови, стекающие по моей груди. Я была удивлена, как мало крови там было. Я думала, что что-то настолько болезненное приведет к рекам крови.

Мой мучитель стерилизовал мой сосок, и процесс начался снова. Я снова закричала и продолжила это проявление эмоций нецензурной бранью, от которой у моей матери случился бы сердечный приступ, если бы она не была уже мертва.

Я посмотрела на Синди, которая стояла неподалеку и все записывала. Наши глаза встретились, и я с удивлением увидела, что она чувствует себя виноватой. Я не знаю, почему она должна это делать. Она ничего мне не сделала, и она здесь не по своей воле. Но потом меня осенило. Несмотря на то, что она выглядит напуганной до смерти и белой как простыня, она, должно быть, возбуждается!

Ну и ладно. Даже это не ее вина. Она такая, какая есть. Она была бы гораздо более нормальной, если бы я не попала в паутину извращений Делона и не дала ему доступ к ее жизни. Это больше моя вина, чем ее. Мне придется поговорить с ней по душам, когда я оправлюсь от того, что мои сиськи изуродованы".

Мое внимание вернулось к вечеринке, которую они устраивали с моим телом, когда пирсер спросил Делона: "Вы решили, что будет третий?".

Третий?! КАКОЙ ТРЕТИЙ?! У меня только две сиськи, ради всего святого!!!

Делон ответил: "Да. Мы могли бы сделать это и покончить с этим".

Я судорожно оглядывалась туда-сюда. Куда они собираются засунуть третью? Думаю, я знала. Наверное, я догадывалась. Но я просто не могла заставить себя даже подумать об этом.

Прежде чем их ужасный замысел полностью осенил меня, пирсер кивнул нескольким мужчинам, которые так жадно наблюдали за происходящим, и внезапно меня завалили на спину на мягкую скамью и стали удерживать на месте. Один из мужчин схватил меня за грудь, и я вскрикнула от боли.

Пирсер нахмурился и сказал: "Тебе лучше знать. Оставь эти пирсинги в покое. Если эта штука заразится, я буду заполнять бумаги целый гребанный год!".

Мои ноги были раздвинуты, и двое незнакомых мужчин держали их в таком положении. Кожа над и вокруг моего клитора была пропитана еще большим количеством спирта. Я больше не плакала тихо. Теперь я истерически рыдала.

Если кто-то из людей, собравшихся вокруг, чтобы насладиться зрелищем, и был хоть немного обеспокоен моим состоянием, они ничего не сказали вслух. Все молча смотрели, как прокалывают кожу, покрывающую мой клитор. Это было гораздо больнее, чем прокалывать соски, и на этот раз я потеряла сознание.

Когда я очнулась через минуту, благодаря небольшому контейнеру с нюхательными смесями, на моем клиторе уже было большое подходящее кольцо. Все мое тело было охвачено болью, и я боялась пошевелиться, опасаясь разбудить любую из трех ран в трех самых чувствительных местах моего тела.

Пирсер поднял свой поднос и поставил его на соседнюю стойку. Он протянул мне лист бумаги и тюбик с мазью и сказал: "Все будет хорошо. Ты не первая, кого я украшаю. Перестань вести себя как маленький ребенок. Все не так уж плохо. Ты злишься только потому, что это была не твоя идея".

Он помог мне сесть и поднял меня со стола. Я чуть не упала на пол, когда он поставил меня на ноги. Опираясь на стол, я стояла и хныкала и не собиралась останавливаться. Мне казалось, что в сложившихся обстоятельствах я имею полное право вести себя как маленький ребенок.

Делон улыбнулся и сказал: "Это было горячо! Синди! Отложи камеру и иди сюда. Мне нужно кончить".

Синди покраснела. Но она мгновенно повиновалась. Она положила камеру на скамейку и сделала несколько шагов. Она остановилась перед Делоном и ждала, когда он скажет, что ему от нее нужно.

Он не сказал ни слова. Он развернул ее и нагнул над скамейкой. Он задрал ей юбку и через мгновение уже входил в нее сзади.

Джарек наблюдал за ними минуту или две и сказал: "К черту. Не могу дождаться, чтобы трахнуть ее".

Он толкнул меня на колени и вытащил свой член. Я сосала его прямо там, на глазах у всех. Но я не была сосредоточена на том, чтобы сосать его член. Я больше беспокоилась о том, чтобы это не закончилось с Джареком. Мне было слишком больно, чтобы пережить еще одну групповуху.

Оба молодых человека кончили почти одновременно. Я была рада, что он заполнил мой рот спермой. Каждое мое движение причиняло мне мучительную боль. От каждого движения мои соски либо болезненно покачивались, либо, что еще хуже, мои травмированные соски задевали штанины его брюк, и это было РЕАЛЬНО больно.

После того, как я проглотила сперму Джарека, меня заставили очистить киску Синди. Джарек не хотел, чтобы она была в его машине, капающей спермой. Синди досталась честь почистить член Делона.

Пока Синди поправляла свою одежду и пыталась привести себя в приличный вид, я стояла голая и думала, где сейчас мое платье и как, черт возьми, я собираюсь надеть эту тесную, облегающую штучку на мои соски.

Один из мужчин в небольшой толпе, очевидно, заметил, что я ищу свое платье, и поднял его. Он передал его вперед, и я с трудом влезла в него. Я застегнула нижние пуговицы, а затем начала медленно подтягивать материал к соскам. В конце концов, я не смогла заставить себя сделать это.

Я посмотрела на Делона и прошептала: "Это слишком больно. Я просто не могу это сделать".

Он усмехнулся и сказал: "Какого черта. Я бы все равно не позволил тебе долго держать их прикрытыми. Оставь все как есть".

Было последнее оскорбление, прежде чем мы уехали. Меня заставили заплатить за ущерб, нанесенный моему телу.

Заплатив за пытку, которой меня только что подвергли, я вышла из тату-салона вместе с Делоном, Джареком и Синди. Я опустила глаза и старательно избегала слушать шутки, шагая

скованно, стараясь не отставать и делая все возможное, чтобы не раздражать три точки пирсинга еще больше, чем они уже были.

Движение на тротуаре снова остановилось, когда я, прихрамывая, вышла из магазина с неприкрытой грудью. Единственной моей защитой было смотреть на тротуар и притворяться, что я одна во всем мире.

Я подумала о том, чтобы попросить Делона, чтобы Джарек отвез меня домой. Я не знала, сколько времени пройдет, прежде чем я смогу прикрыть свою грудь облегающим материалом этого дурацкого платья. Но, подумав, я поняла, что если я попрошу отвезти меня домой, то вряд ли мне позволят остаться там одной. Я уверена, что у меня больше шансов остаться одной, если я смогу как-то добраться от машины до своего офиса.

Поездка обратно на завод была пыткой. Делон оставил меня в покое после беглого осмотра моих недавно украшенных частей тела. Но он мне не понадобился, чтобы превратить поездку в ад на земле. Каждая кочка, на которую мы наезжали в машине, была по моей израненной плоти, вызывая слезы на глазах.

К тому времени, когда мы добрались до завода, Делон уже устал от моих тихих плачей, стонов и хныканья. Думаю, ему не терпелось высадить меня и убраться подальше. Он подождал, пока Джарек остановится у двери, и сказал: "Мой отец сегодня и завтра не работает. В субботу он начинает работать в дневную смену. Я оставлю тебя одного на пару дней. Но я хочу, чтобы ты принесла свои новые бикини ко мне домой в десять часов утра в субботу. Надень свои самые высокие каблуки".

Я подавленно кивнула. Синди выбралась с переднего сиденья и подала спинку сиденья вперед, чтобы я могла вылезти. Я встала и с ее помощью осторожно вылезла с заднего сиденья.

Все смотрели, как я осторожно расправляю материал своего распутного платья и аккуратно натягиваю его на свои пульсирующие груди, даже не пытаюсь застегнуть пуговицы. Я застонала от ужаса, когда увидела, насколько очевидны большие, тяжелые кольца. Но в данный момент боль волновала меня гораздо больше, чем смущение.

Делон вылез из машины и сел на переднее пассажирское сиденье. Он залез в бардачок и протянул мне еще шесть DVD-дисков. Он приказал мне отдать их Дугу.

Я сунула их в свою сумочку. Я знала, что по крайней мере два из них были записаны во время групповухи в его доме. Остальные, несомненно, записи тех отвратительных вещей, которые он заставлял меня делать в офисе.

Прежде чем они отъехали, я спросила: "А что насчет Хелен?".

"Она знает, где мы были. Она может все еще заставлять тебя делать что-то. Но она знает твои пределы. Синди, держи камеру под рукой. Если что-то случится сегодня днем, я хочу, чтобы ты

это записала".

А потом они ушли. Мы долго стояли в тишине, прежде чем Синди сказала: "Мне очень жаль, миссис Коузи".

Я сама удивилась, когда даже сквозь боль мне удалось усмехнуться. Я сказала: "Синди, не могла бы ты называть меня Брук? Ради всего святого, я ела твою киску!"

Она покраснела и застенчиво улыбнулась.

<http://tl.rulate.ru/book/247/8390>